

опирается сейчас же на путь нелегального положения и вот это-то нелегальное положение поставило Кибальчича на то место, на котором вы его видите. Развступив на путь нелегального человека, тут уже до всяких крайних теорий, даже до терроризма, один только шаг, а однажды человек вступает на путь терроризма, то само собой разумеется, человек уже погибший. Г. судья, г. прокурор, часть своей речи посвятил на изыскание причин, откуда может являться террористическая партия в России. Конечно, в изыскании этих причин, и в этом убежден, г. прокурор привела мысль о том, да как же избавиться от той тревоги, в которой террористическая партия держит целую Россию? Я совершенно также постоянно мыслил об этом предмете, он постоянно меня тревожил и тревожит, и много раз, сходя за прежними процессами, участвуя в некоторых из них в качестве защитника, я старался понять, откуда может произойти такая подобная явление, и прихожу к тому заключению, что в этих мнра, с которыми прежде относился к преследуемым по политическим процессам наша судебная администрация, много таятся. Мне скажут: но ведь эти случаи единичны. Нет, взгляните на процесс 193-х и вы увидите, что по одному было привлечено по подозрению в политических преступлениях более 1,000 человек.

Первоприс. Вы отвлекаетесь от предмета защиты, от фактов настоящего дела. Вы можете указывать на это в общих чертах, но возбуждать вопрос о делах давно минувших, разбирать их, входить почти в существо производства — не представляется надобности. Я уже указывал вам, что во-первых, Особое Присутствие будет иметь в виду эти производства, и во-вторых, вы утомляете внимание Особого Присутствия вещами, не подлежащими его судению, так как оно желает и конечно будет не утомимо для всего серьезного, как в интересах обвинения, так и в интересах защиты по настоящему делу, но только по настоящему делу. Поэтому я приглашаю вас освободить Особое Присутствие от излишних подробностей, по моему мнению не имеющих для настоящего дела никакого влияния и весьма мало разъясняющих его.

Герард. Я думаю, что если бы я мог указать на факты, хотя мало разъясняющие это важное дело, то мне не будет это поставлено в упрек.

Первоприс. Конечно это влияние будет иметь значение, если вы обратите внимание Особого Присутствия на процесс о 193-х по отношению к настоящему делу...

Герард. Я в этом отношении и прошу вас обратить внимание на процесс 193. Из этого процесса вы почерпнете очень много данных для суждения о причинах появления у нас террористической партии. Затем обращаюсь к подсудимому Кибальчичу. Я прошу вас прежде всего заметить, что г. прокурор, выставив одно общее положение, что у всех обвиняемых одинаковая программа действий, одинаковы задачи, одинаковы мысли, одинаковы эмблемы, которые доказывают принадлежность их к социально-революционной партии, ничего не мог указать в этом смысле по отношению к Кибальчичу. Свои указания на принадлежность к террористической партии г. прокурор разбил на две части: на революционное прошлое и на те предметы, которые оказались по обыску, как им принадлежат. Относительно революционного прошлого я уже сказал. Что могу я сказать относительно того, что у Кибальчича было найдено? Печатные и рукописные издания и заметки. Я считаю своей обязанностью обратить внимание Особого Присутствия на книги и рукописи, найденные у подсудимого. У него не было найдено ничего такого, на что указывал г. прокурор, как в признаках действительной принадлежности к террористической партии. Напротив того, я прошу обратить внимание на рукописи, озаглавленную „Переходное положение для земства“. Кибальчич писал эту рукопись очевидно в самое последнее время, даже, как видно, он перебрал ее уже после 1-го марта. Само собою разумеется, что если вам говорить, что террорист занимался вопросом о положении земства, то вам прежде всего представляется следующая картина: что должен был писать этот террорист? Он должен был писать уже никак не об отношениях земства и администрации, потому что для террориста никакой администрации не нужно, для него нужна полная ликвидация всего. Так действительно и проповедуется в программе террористической партии. Я прошу вас прочесть хотя три, четыре страницы этой рукописи Кибальчича, и вы увидите, что он задается самими скромными идеалами о большей самостоятельности земства по отношению к админи-

страция. Например, он находит, что земство не имеет достаточно самостоятельности, и он желает, чтобы оно имело ее больше. Таким образом я думаю, что в самом участии Кибальчича в этом деле есть громадное недоразумение. Когда я явился к Кибальчичу, как назначенный ему защитник, меня прежде всего поразило, что он был занят совершенно иным делом, ничуть не касающимся настоящего процесса. Он был погружен в изыскание, которое он делал о каком-то воздухоплавательном снаряде; он ждал, чтобы ему дали возможность написать свои математические изыскания об этом изобретении. Он их написал и представил по начальству. Вот с таким человеком вы имете дело. Я далеко от мысли сказать какое нибудь слово в оправдание царубийства, сказать слово в оправдание террора — нет, как то, так и другое вполне отвратительно, но я должен вам сказать, господа, что то наказание, назначить которое вам предлагает г. прокурор.

Первоприс. О наказании вы будете говорить в свое время.

Герард. Но за обвинением следует наказание и я говорю об обвинении. Г. прокурор, требуя наказания, видит в нем лишение от того зла, с которым нам всем нужно бороться, а я говорю, что это наказание только и будет наказанием, а не лишением.

Присяжный поверенный **Кедриш** (защитник подсудимой Перовской). Г. сенаторы и г. сословные представители! Не без волнения приступаю я к исполнению своей тяжелой обязанности. Я должен сознаться, что нахожусь под впечатлением речи прокурора и переломно рисуюсь та картина, которую он с таким талантом нарисовал; эта тяжелая картина мнрает, по моему мнению, спокойному, беспристрастному отношению к делу; сам прокурор, который общался в начале своей речи хладнокровно обсудить все обстоятельства дела, — перешел в несколько страстной форме. Я постараюсь отвлечь ваше внимание от этой тяжелой картины к другой картине: обратить ваши мысли к личности подсудимой. Я просил бы вас забыть об этом преступлении, насколько это окажется мыслимо, и проследить за мною жизнь подсудимой. Когда вы услышали в первый раз, что в этом преступлении участвует женщина, то у вас, вероятно, родилась мысль, что эта женщина является каким-то извергом, неслыханною злодейкою. Когда же вы встретились с нею на суд, то это впечатление, я думаю, оказалось диаметрально-противоположным. По крайней мере подсудимая на меня произвела совершенно другое впечатление, чем то, которое у меня до встречи с нею составилось. Я увидел скромную девушку, с такими манерами, которые не напоминали ничего злого, ничего ужасного. Где же причина этому явлению? Может быть она желает порисоваться, представить себя в лучшем свете, чем она есть на самом деле? Я этого не думаю. Я полагаю, что то признание, которое она перед вами сделала, не выгораживая себя нисколько, иди вперед навстречу обвинению, которое над ней тяготеет, прямо говорит за то, что в ней нет и тени лицемерия. Какая же причина, где корень того, что в этом деле являются Перовская и Рысаков, лица ранже безукоризненного поведения? Чтобы обсудить этот вопрос, нам необходимо познакомиться с жизнью подсудимой, и эту задачу я считаю для себя обязанным выполнить перед вами. Из речи господина прокурора известно, что Перовская привлекалась к делу в 1871 году; революционное ее прошлое, по моему мнению, велико; но я не разделяю этого убеждения, думаю, что ее революционное прошлое начинается очень недавно. Правда в 1871 году она привлекалась к дознанию о каком-то тайном сообществе, имевшем связь с революционной деятельностью, но вследствие оказалось, что это сообщество преследовало благотворительные цели, почему и следствие над Перовской было по Высочайшей воле прекращено. В 1872 г. Перовская привлекалась по делу о 193 лицах. Следствие тянулось пять лет, но улики совершенно против нее не было. Правительствующий сенат оправдал ее; это дает полное основание утверждать, что подсудимая была не виновна. Если состоялось судебное рассмотрение, оправдывающее подсудимую, то прежде всего следует остановиться на предположении о невинности и на обязанности прокурора лежит доказать противное. Таким образом я полагаю, что Перовская действительно была не виновна в этом преступлении, которое ей приписывалось, и совершенно правильно была оправдана правительствующим сенатом.

До суда о 193 лицах подсудимая жила в Симферополе, с своей матерью. Под ее ведением и

управлением находилось два барака общества Красного Креста. После оправдания особым присутствием правительствующего сената уехала Перовская к матери в Симферополь, и снова начала заниматься делом, которому она осталась бы преданною и посвятила ему всю жизнь, если бы не случилось одного обстоятельства. Она была арестована административным порядком сослана, но дорогою ей удалось бежать, и вот Перовская очутилась в положении „нелегальной“. Являясь в родных ей было нельзя, так как паспорт выдавал ее везде, и вот она должна была попасть в среду лиц, которые находились в таком же положении, то есть в в положении нелегальном; это состояние, в котором каждый шаг, каждый час, каждую минуту должно наблюдать за собою, бояться и дрожать за свою судьбу. Такое состояние неотразимо действует на нравственное чувство человека и немально возбуждает в нем инстинкты, которых следовало бы избегать. Вспомните, что между таковыми нелегальными людьми социальными-революционными идеи необходимо получают громадную силу. Члены революционных кружков, сталкиваясь только между собою, не слыша беспристрастной научной критики их идей, естественно все больше и больше проникаются ими и доходят самих разрушительных теорий. Таким образом идея Перовской постепенно принимала больше и больше красивый оттенок, все больше и больше побуждала ее идти по дороге революции. Если только вы согласитесь со мной, что действительно первым толчком, который побудил Перовскую идти по этому скользкому пути, была административная ссылка и что благодаря этой ссылке и той интенсивности идей, замкнутых в среде небольшого кружка, которая мнрала строгой их критикой, подсудимая до настоящего положения, то в этих обстоятельствах вы должны усмотреть данные, которые до известной степени объясняют судьбу Перовской. Вследствие сего я хота бы сую пред особым присутствием правительствующего сената о возможно более снисходительном отношении к участи подсудимой.

Подс. **Желябов** (не пожелавший иметь защитника). Г. судья, дело всякого убежденного деятеля дороже ему жизни. Дело наше здесь было представлено в более извращенном виде, чем наша личная совесть. На нас, подсудимых, лежит обязанность по возможности, представить цель и средства партии в настоящем их виде. Обвинительная речь, на мой взгляд, сущность наших целей и средств изложила совершенно неточно. Ссылаясь на эти самые документы и вещественные доказательства, на которых г. прокурор основывает обвинительную речь, я постараюсь это доказать. Программа рабочих послужила основанием для г. прокурора утверждать, что мы не признаем государственного строя, что мы безбожники и т.д. Смыслы в точный текст этой программы рабочих, говоря, что мы государственники, не анархисты. Анархисты — это старое обвинение. Мы признаем, что правительство всегда будет, что государственность неизбежно должна существовать, по сколько будут существовать общие интересы. Я впрочем желаю знать вперед, могут ли и касаться принципиальной стороны дела или нет?

Первоприс. Нет. Вы имете только предоставленное вам законом право оспаривать те фактические данные, которые прокурорскою властью выставлены против вас и который вы признаете не точными и неверными.

Подсудимый **Желябов.** И так я буду разбирать по пунктам обвинение. Мы не анархисты, мы стоим за принцип федерально-устройства государства, а как средства для достижения такого строя мы рекомендуем очень определенные учреждения. Можно ли нас считать анархистами? Далее мы критикуем существующий экономический строй и утверждаем, что он не может существовать.

Первоприс. Я должен вас остановить. Пользуясь правом возражать против обвинения, вы излагаете теоретические воззрения. Я желаю вам, что Особое Присутствие будет иметь в виду все эти сочинения, брошюры и издания, на которые стороны указывали, но выслушивание теоретических рассуждений о достоинствах того или другого государственного экономического строя оно не считает своей обязанностью, полагая, что не в этом состоит задача суда.

Подсудимый **Желябов.** Я в своем заявлении говорил и от прокурора слышал, что наше преступление — событие 1-го марта, нужно рассматривать как событие историческое, что это не факт, а история. И совершенно верно. Я совершенно согласен с прокурором, и думаю, что всякий согласится, что этот факт нельзя рассматривать особняком, а что